

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2018. № 1. С. 20–27.

УДК 316.6

DOI 10.25513/2410-6364.2018.1.20–27

**Т. П. Мильчарек
Н. А. Мильчарек**

КОМПЛЕКС ВОИНА В МОДЕЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Статья посвящена рассмотрению психологических оснований экстремизма. Экстремизм понимается как форма современной социальной патологии, основанная на неспособности субъекта жить в неравновесной социальной среде. Это качество оформляется в такую психологическую характеристику как некоммуникативность – ориентацию на разрыв социальной коммуникации. Она, в свою очередь, связана с другим важнейшим психологическим основанием экстремизма – комплексом воина – констелляцией поведенческих признаков и психологических состояний, связанных с невозможностью реализации культурно-обусловленной агрессии.

Ключевые слова: экстремизм; некоммуникативность; идентичность; культурно обусловленная агрессия; комплекс воина.

**T. P. Milcharek
N. A. Milcharek**

THE WARRIOR COMPLEX IN THE MODEL OF PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS OF EXTREMISM

The article is devoted to the consideration of the psychological grounds of extremism. Extremism is understood as a form of modern social pathology, based on the inability of the subject to live in a disequilibrium social environment. This quality is formed in such a psychological characteristic as noncommunicativity – orientation towards the break of social communication. It, in turn, is connected with another major psychological basis of extremism – the warrior complex – by the constellation of behavioral traits and psychological conditions associated with the impossibility of realizing a culturally conditioned aggression.

Key words: extremism; noncommunicativity; identity; culturally-conditioned aggression; warrior complex.

Экстремизм – современное социально-психологическое явление, основу которого составляет активность индивида, направленная на разрыв социальных связей для достижения социально неприемлемых целей, изменения социальных норм в силу низкой субъективной способности и готовности к жизни в неравновесной социальной среде. Иначе говоря, экстремизм – это недискурсивная регулярная социальная практика, основанная на дефиците социальной компетентности [1].

Причины, порождающие экстремизм следующие: социальная инфантильность, социальная апатия, партикулярность культуры

(и духовно-нравственной культуры), граничные состояния здоровья, научно-технический прогресс, социальная драматургия [2].

При наличии в современном обществе всех условий для социального диалога экстремизм формируется как патологическая характеристика социального взаимодействия индивидов [3]. Наиболее опасным является организованный экстремизм [4].

Экстремизм возникает на основе двух психологических предпосылок. Первую предпосылку мы определяем как некоммуникативность. Некоммуникативность – это комплексная характеристика субъекта которая,

заключается в его ориентации на скорейшую дисконнекцию социальных связей и контактов для достижения желаемой цели, чаще всего социально неприемлемой [5]. Нонкоммуникативность выражается в следующих диагностических признаках:

1. Стертая, утраченная или непроявленная идентичность.

2. Затрудненный социальный диалог (нежелание, слаборазвитая способность к диалогу, тенденция к разрыву социальной коммуникации, отказ от общепринятых правил дискурса).

3. Отказ от неопределенности (ригидность, резистентное мировоззрение).

4. Высокий уровень тревожности.

5. Высокий уровень агрессии.

6. Низкий уровень психологической устойчивости.

7. Слабовыраженный социальный интерес, неразвитое социальное чувство.

8. Гиперзависимость от сверхценностей.

9. Избегание ответственности и свободы.

10. Сильная выраженность персональной сферы, слаборазвитая самость.

11. Бытие в сфере социальной драматургии (жизнь как сюжет, сценарий, постановка, квазивыбор и смена ролей, наличие внешнего драматурга и режиссера, отсутствие тождества и подлинности «Я»).

12. Слабая удовлетворенность базовых социальных потребностей.

13. Недостаток материнской любви, невыраженность позиции отца.

14. Стремление удовлетворить базовые социальные потребности путем поиска «новой семьи».

15. Апрагматичность и неутилитарность поведения. Действия субъекта не соотносятся с интересами, потребностями и ценностями других, а также с требованиями общей пользы.

16. Стремление к уходу в трансцендентное, надличностное, трансперсональное.

17. Неукорененность, непроявленность, инфантильность, слабая степень осознанности, состояние несвободы, отсутствие открытости и доверия к миру [6].

18. Сильно выраженная склонность к манипуляциям.

Вторую психологическую предпосылку экстремизма мы определим как комплекс воина.

На основании выделенного юнгианской традицией архетипа воина (в отечественной

психологии представлен в работах Ю. А. Чекчурина и В. В. Козлова [7]) будем считать, что в сознании человека существует комплекс воина. Формирование данного комплекса мы понимаем антропологически, основываясь на синтезе положений представителей культурной и психологической антропологии. Одним из таких положений является тезис о представленности паттернов архаического сознания древних культур в современном социокультурном пространстве (К. Г. Юнг, Ф. Перлз, А. Лоуэн, Л. Фробениус, Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид, Б. Малиновский, А. Радклиф-Браун, Э. Тайлор, М. Мосс, М. Херцковиц, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, К. Гирц, М. Фуко, Х. Вульф, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, А. А. Белик, С. В. Лурье, В. Н. Ядринкин и др.). В частности, мы исходим из того, что в архаических сообществах военная функция не была отделена от хозяйственно-бытовой, а в результате дальнейшей специализации стала прерогативой ограниченного круга людей. В результате основная масса людей лишилась возможности непосредственно проявлять поведенческие признаки, составляющие основу комплекса воина [8].

Комплекс воина – это совокупность поведенческих признаков культурно обусловленной агрессии и связанная с ней невротическая констелляция психических состояний, вызванных невозможностью ее конструктивного проявления [9].

Основные компоненты (поведенческие признаки) комплекса воина, с нашей точки зрения, следующие:

- возможность применять силу;
- возможность использовать оружие;
- возможность подчинять;
- возможность причинять боль;
- возможность причинять телесные повреждения;
- возможность убивать;
- обязанность претерпеть боль;
- обязанность умереть;
- возможность и обязанность оказывать покровительство, проявлять доблесть, защищать и нападать.

Раскроем содержательно каждый компонент.

Возможность применять силу. Исторически применение силы явилось основанием для первой социальной стратификации, фиксирующей начальную форму социального

неравенства, а именно – деление на сильных и слабых [10]. Но в человеческих сообществах применение силы было регулируемым поведенческим процессом [11]. Совершение акта насилия определялось жизненной необходимостью, сила применялась строго дифференцированно по отношению к своим и чужим (к чужим, разумеется, больше) [13]. Возможность применять силу являлась прерогативой мужчины [12]. Суть применения силы состоит не столько в физическом подавлении другого человека, сколько в отстаивании своего жизненного пространства и привычного образа жизни, в создании и разрушении ощутимых границ между собой и другими [14]. Сюда относится рукопашный бой, различные виды борьбы, единоборства как техники возрастания мощи человека и культ силы. При этом физическая сила рассматривалась не просто как качество тела, но как божественный дар, то есть как эманация высшей силы, снизошедшей на человека. Сила используется и проявляется в состязаниях, охоте, войнах, изнурительных испытаниях (инициации, игры, походы, пытки), захватах и освобождении людей, населенных пунктов, объектов, наконец, в физическом труде. Сила является неотъемлемым атрибутом мужественности и мужского начала (на латыни слово *vis* – сила, мн. ч. *viges*, и мужество – *virtus* являются однокоренными) [15].

Возможность использовать оружие. Оружие в древних сообществах являлось общедоступным, но сакральным атрибутом (вполне возможно определить его и как фетиш). Его использование строго регламентировалось обычаем. Требовалась специальная подготовка для обращения с оружием. С развитием военной техники оружие стало показателем социального статуса и престижа. К понятию «оружие» следует присоединить и понятие «доспехи», ношение которых также являлось прерогативой мужчин. В общем, большинство оружейных форм могут быть определены как фаллические символы. Оружие, таким образом, является атрибутом мужской силы и, как следствие, власти. (Опять же, в латыни слово *repis* означает меч, а *vaginae* мн. ч. – ножны).

Возможность подчинять. Подчинение есть возможность приказывать или командовать. В своем генезисе это не является проявлением дефицитарного авторитарно – садомазохистского синдрома власти. Власть есть

мощь, сила и могущество. Доминирование, или деспотизм, есть проявление себя как господина и хозяина. И то и другое связано с божественным началом и с домом, в первую очередь, с его защитой. Поэтому приказы и команды должны отдаваться умело и ответственно. Они обладают абсолютным характером, а потому – не обсуждаются [16].

Возможность причинять боль. Причинение боли, то есть неприятное для другого физическое или орудийное воздействие могло осуществляться только в качестве проявления справедливости. Мечь и наказание в данном случае становятся крайними формами [17]. Справедливость распределяет страдания, в том числе и такие, которые сопровождаются болью. Также причинение боли становится проявлением власти над телом и душой и определенного способа вести диалог. В этом контексте следует учитывать причинение боли в состязаниях, борьбе, поединках, в боях.

Возможность причинять телесные повреждения. Телесные повреждения различной степени тяжести обращены на безусловную ценность – тело человека. И они имеют двойной характер. Их можно рассматривать как определенную регулярную телесную практику, задачей которой является формирование определенного тела (в частности, с высоким порогом чувствительности, с измененными формами, с дополнениями, в том числе в виде татуировок, надрезов, протезов, или лишенное какой-либо части, что является необходимым или идентификационным признаком, а также признаком совершенства). Также телесные повреждения представляют собой акт агрессии в отношении тела, задачей которой является разрушить тело, сделать его несовершенным, лишенным какой-либо части, что в анимистических представлениях влекло за собой целый ряд трансцендентных мистических последствий, в основном, разумеется, негативных. Причинение телесных повреждений есть также проявление мужской власти.

Возможность убивать. Самое ответственное из всех деяний – война! Осуществляется только в случае крайней необходимости, поскольку связано с убийством / смертью. Таким образом, убийство и смерть представляют собой в мистическом сознании архаического воина самый большой риск, так как влекут наступление совершенной неопре-

деленности. В силу этого к убийству следовало прибегать обдуманно даже в отношении врагов. Решение об убийстве человека или другого живого существа ради охоты, мести или войны обязательно имело ритуальный контекст, разрешающий, оправдывающий и каким-либо образом оформляющий и подкрепляющий данное деяние [18].

Обязанность претерпевать боль. В условиях тяжелых испытаний воин должен быть готов терпеть неприятные физические или орудийные воздействия, воспринимать это как необходимое и справедливое страдание, проходить через него, практиковать его преодоление; не бежать от боли, а принимать ее, так как это важнейший показатель смелости, отваги, бесстрашия и мужества.

Обязанность умереть. Краеугольный камень в поведении воина. Воин должен быть готов принять смерть, поскольку могут возникать ситуации, когда он не может остаться в живых, так как это связано с возрастанием опасности для других и так как недопустимы бегство, трусость и бесчестие. Смерть воина обусловлена исключительным требованием ситуации, не является самоцелью и должна быть осознанной. Поэтому в поведении воина обязательно присутствует мотивационная готовность к смерти [19].

Возможность и обязанность оказывать покровительство, проявлять доблесть, защищать и нападать. Доблесть или мужественность совершенна и глубоко человечна, потому что она есть благородное и радостное преодоление страха смерти – основного инстинкта всего живого. Именно в доблести / мужественности человеческое достоинство раскрывается в самой высшей степени, потому что она заключается в принятии человеком своего жизненного предела. Мужественность также состоит в том, чтобы отречься от своего тварного, проявив любовь и заботу по отношению к другим, актуализировав тем самым одну из базовых человеческих потребностей. А как говорил персонаж Джузеппе Калиостро в фильме Марка Захарова «Формула любви», в любви главное – это возможность, не раздумывая, отдать свою жизнь за другого. Заметим: возможность. Принципиально важным компонентом здесь является не отдать жизнь, а мочь это сделать. Женщина это, безусловно, может. Безусловно, потому что ей для этого не нужно ни брони, ни оружия. Когда мы говорим, что человек может

что-то сделать? Когда он это уже делал. Когда есть опыт действия. Опыт безусловного отдавания своей жизни за другого у женщины реализуется в ее заботе о детях, на этапах вынашивания, родов, кормления... [20]

Доблесть / мужественность для мужчины – это его предназначение, в мужественности заключается смысл мужчины. Она не безусловна, но он рожден с ней. Она проявляется в особых условиях, когда необходимо защищать и отстаивать [21]. Не нападать и отбивать, а защищать и отстаивать. И вовсе необязательно, что в руках у мужчины будет оружие. Важно смочь сделать это без оружия. Подвиг можно совершить невооруженным. Необходима вера в собственную непогрешимость (не в безгрешность!). Непогрешимость – это обладание внутренней правдой, которая заключается в том, что жизнь есть, она предстает перед нами в чередующихся данностях и вереницах своих неопределенностей, и жить необходимо, но не достаточно просто жить, необходимо жить достойно, все время преодолевая свою ограниченность. Поэтому такая правда является жизнеутверждающей.

Весь кошмар ситуации смертников заключается в том, что они отдают свою жизнь не ради жизни, а ради бегства от нее. Они отворачиваются от жизни. Им хочется скорее отдать ее. Это двоякое стремление. С одной стороны, стремление принести себя в жертву, а с другой – стремление избежать еще больших трудностей, чем собственная смерть. Мужественность не в том, чтобы поскорее умереть. Мужественность состоит в том, чтобы увидеть, а затем принять или отвергнуть то, что будет после твоей смерти. Это дар мужчины – прозревать через смерть, видеть сквозь нее. Но для этого необходимо осознавать ее как полноправного участника жизни. И это колоссальное испытание. Лишь величайшее смирение воина делает его способным на такой подвиг.

Генезис комплекса воина как признака экстремизма связан с развитием человека и человеческих сообществ [22]. Важно, что в архаических сообществах как древних, так и современных мужчина соединяет в себе функции защиты, обеспечения безопасности и производственной силы. То есть он является основным работником, «производительной силой» и одновременно защитником, воином [23]. В дальнейшем эти функции дистанцируются

от реальных носителей и растворяются в обществе [24].

Важно, что в архаических сообществах женщины также были причастны к обеспечению безопасности [25]. Во-первых, мать обеспечивает безопасность ребенка до двух лет. У ребенка базовое исходное чувство безопасности связано именно с матерью, а через нее – с землей. А вторичное чувство безопасности – при вхождении в социум – с отцом. Во-вторых, во время экстремальных событий, связанных с наличием радикальной угрозы сообществу, женщины были включены в систему обороны. В-третьих, в присваивающих хозяйствах женщины выполняли производственную функцию наравне, а нередко и больше, чем мужчины.

Таким образом, комплекс воина имеет отношение и к мужчине, и к женщине. Кроме того, военная функция, будучи прерогативой мужчины, представляет собой предмет дефицитарного интереса для женщины, основу, так сказать (в терминологии А. Адлера), определенного чувства неполноценности со стороны женщины. Аналогично и деторождение было предметом интереса мужчины и основой его чувства неполноценности, особенно если учесть имитационные обряды деторождения мужчинами, распространенные в некоторых архаических обществах. Это становится тем более актуальным в условиях дистанцирования данных функций от их реальных носителей в условиях трансформации пола, гендера и сексуальности в современном мире [26].

В современных условиях мы сталкиваемся со специализацией социальных функций. Таким образом, различные функции атрибутируются носителям на основе определенных квалификационных признаков. Все «силовые» функции атрибутируются ограниченными категориям лиц, удовлетворяющим определенному набору критериев, таких как пол, возраст, состояние здоровья, образование, гражданство, правопослушность, биография, дополнительные квалификационные признаки, профпригодность, сертифицированность и т. д.

Таким образом, возникает ограниченная категория лиц, которая обладает законодательно фиксированным правом на реализацию культурно разрешенной агрессии [27]. Все остальные категории лиц такой возможности лишены и им остается только творче-

ская сублимация. Однако таковая становится возможной только при наличии развитого социального чувства. То есть только в том случае, если субъект ориентирован на полноценный диалог с социумом. Если же такая ориентация отсутствует, то творческая сублимация культурно разрешенной агрессии невозможна. В этой ситуации возможна деструктивная компенсация, связанная с уходом в химическое удовольствие, аддикции и саморазрушение. Так сказать, пассивный вариант [28]. Однако, иной случай, когда возникает активная ориентация на дисконнекцию социальных связей для достижения желанной, но социально неприемлемой цели (называемая нами *нонкоммуникативностью*). В этой ситуации субъект выдвигает к социуму категорические требования, которые, в силу их асоциальности, заведомо невыполнимы в полном объеме [1]. При этом, субъект, выдвинувший такие требования и не рассчитывает, что они будут выполнены, так как если это произойдет, уровень требований будет повышен. И это первый шаг к тупику, в который человек загоняет себя сам. Это первый шаг к формированию экстремизма. Так сказать, рекурсивный. На этой стадии формирования экстремизма возможны такие средства профилактики и коррекции, которые смогут настроить субъекта на диалог с социумом, повысить его коммуникационный потенциал [29].

Второй шаг – это активизация комплекса воина, то есть совокупности поведенческих признаков культурно обусловленной агрессии и связанной с ней невротической констелляции психических состояний, вызванных невозможностью ее конструктивного проявления. Комплекс воина уже условно присутствует в ситуации ограниченности творческой сублимации. Собственно он-то и является подлежащим, а *нонкоммуникативность* – сказуемым. Он представляет собой существенный, глубинный смысловой момент действия, а *нонкоммуникативность* – реализующий, канализирующий аспект. Профилактика активизации комплекса воина возможна инструментами, позволяющими вернуть субъекта к творческой сублимации культурно обусловленной агрессии [30].

Третий шаг – это культурный код в части родового опыта переживания смерти. Во всех культурах родовой опыт переживания смерти представляет собой комплекс достойного поведения в ситуации умирания. В данном слу-

чае речь идет о трансформации культурного кода в аспекте разрушения табу на удовольствие от убийства и претерпевания смерти, широко распространяемого современной культурой. На этом этапе возможны коррекционные практики, связанные с возвращением человека к достойному поведению.

В ситуации, когда все три элемента складываются, возникает конфликтный субъект, ориентированный на дисконнекцию социальных связей для достижения социально неприемлемой цели (собственно, сама цель формируется как образ на основе комплекса воина), движимый невротической констелляцией психических состояний, вызванных невозможностью реализации культурно обусловленной агрессии, сопровождающейся деформированным табу на удовольствие от убийства и претерпевания смерти (и в целом деформированным родовым опытом, стертым, утраченным, разрушенным). В этой ситуации не хватает только инцидента, дебюта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов В. П. Философия и психология самости // Омский научный вестник. – 2007. – № 1 (51). – С. 72–76.
2. Дайми Т. Гносеология против онтологии: тотальное изъятие ценностей. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/daimi/> (дата обращения: 24.11.2016).
3. Горбунов К. Г. Противодействие террористической пропаганде в Интернете // Вестник Омского университета. Серия: «Психология». – Омск. – 2016. – № 2. – С. 23–36.
4. Лисюченко И. В. Сакральность княжеской власти у восточных славян и ритуальные убийства правителей // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск, 2009. – № 12-2. – С. 52–58.
5. Мильчарек Т. П. Субъективность как феномен межсубъектного взаимодействия // дис. ... канд. филос. наук / ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2006.
6. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Актуальность и проблемы психологической диагностики экстремизма // Омские социально-гуманитарные чтения – 2016: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2016. – С. 30–36.
7. Козлов В. В. Смерть как феномен мышления и познания жизни человеком // Известия Иркутского государственного университета. – Серия: «Психология». – Иркутск, 2014. – Т. 10. – С. 67–75.
8. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Коллективная этническая ментальность и коллективная этническая телесность в психологическом содержании этнической идентичности // Вестник Омского университета. Серия: «Психология». 2016. – № 4. – С. 9–17.
9. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Компоненты этнической идентичности: коллективная этническая ментальность и коллективная этническая телесность // Ярославский психологический вестник. – Москва-Ярославль. – Вып. 32. – С. 57–61.
10. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Эпос и драматургия в жизненной перспективе современного человека. – URL: http://www.omgtu.ru/general_information/faculties/faculty_of_liberal_education/department_of_psychology_of_work_and_organizational_psychology_quot/articles-and-publications/ (дата обращения: 21.04.2016).
11. Миронова М. Н. О насилии и принудительной жертвенности в светской и религиозной жизни // Консультативная психология и психотерапия. – М., 2009. – № 3. – С. 133–153.
12. Зыгмонт А. И. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – М., 2015. – № 3 (59). – С. 23–38.
13. Хаджимурадова Т. Х. Насилие и жестокость как социальная проблема // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – Sterlitamak, 2016. – № 118-3. – С. 242–244.
14. Дуке-Посада Ф. Насилие как феномен культуры: возможности социологической концептуализации и анализа насилия в Колумбии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Социология». – М., 2012. – № 2. – С. 14–27.
15. Мильчарек Т. П. Нонкоммуникативность и феномен экстремизма в условиях сохранения социального здоровья молодого поколения // Педагогика и медицина в служении человеку: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Красноярск – 2016. – С. 252–257.
16. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Основания идентичности группового субъекта // Омские социально-гуманитарные чтения – 2013: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2013. – С. 220–222.
17. Дубина В. С. Болезненная тема Второй мировой войны: память о сексуальном насилии по обе стороны фронта // Вестник РГГУ. – Серия: «История. Филология. Культурология». – Востоковедение. – М., 2011. – № 17 (79). – С. 47–56.
18. Король Д. А. Древнескандинавский Tanatos: коды нордической ментальности в контексте умирания // Aliter. – СПб., 2017. – № 7. – С. 32–43.

19. Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Эвристическая модель экстремизма в контексте социально-психологических исследований // Омские социально-гуманитарные чтения – 2015: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. – С. 309–312.
20. Дружинина Е. С. Модификация архетипа героя в средневековой культуре // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – Симферополь, 2015. – Т. 1 (67). – № 3. – С. 93–100.
21. Блудилина Н. Д. Генезис и поэтика архетипа воина в древнерусской литературе // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М. : Институт славяноведения РАН, 2015. – № 10. – С. 195–213.
22. Бесценная В. В., Мпасси Г., Федяева Е. В. Под знаком войны, или Взгляд на культурные архетипы мальчишества Центральной Африки на примере Республики Конго // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. – Томск, 2017. – № 38. – С. 241–251.
23. Мильчарек Т. П. Ранний опыт философствования как особая форма рациональности // Омский научный вестник. – Омск, 2010. – № 3 (88). – С. 93–97.
24. Гутиева Э. Т. Древний сакральный мотив в тексте кадага «Безымянный сын Урузмага» // Вестник Владикавказского научного центра. – Владикавказ. – 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 8–12.
25. Мильчарек Т. П. Нонкоммуникативность в модели комплексной диагностики психологических признаков экстремизма и проблема сохранения социального здоровья молодежи // Вестник Омского университета. Серия: «Психология». – 2016. – № 4. – С. 33–41.
26. Борисов С. Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука. Искусство. Культура. – Белгород : Белгородский государственный институт искусств и культуры. – 2012. – № 1. – С. 139–143.
27. Шевченко И. Ю. Архаическое и современное социального порядка: сакральное и насилие // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2010. – № 3. – С. 109–114.
28. Горбунов К. Г. Пропаганда терроризма и противодействие ей // Насилие в образовательной среде, семье, обществе: причины, индикаторы, последствия: монография / [Л. И. Дементий и др.]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 179–209.
29. Ядринкин В. Н. Формирование духовно ориентированного психотерапевтического пространства в групповой полимодальной самоактуализирующей психотерапии // Психотерапия. – М., 2009. – № 10. – С. 108–110.
30. Milcharek T. P., Milcharek N. A. Components of the Ethnic Identity: The Collective Ethnic Mentality and the Collective Ethnic Corporality // Mediterranean Journal of Social Sciences. – (2015). Vol. 6. – № 6 S3 – P. 51–58; DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s3p51.

Информация о статье

Дата поступления

18 июня 2017

Дата принятия в печать

1 февраля 2018

Информация об авторах

Мильчарек Тадэуш Петрович – канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой «Психология труда и организационная психология» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: milcharek@mail.ru.

Мильчарек Наталья Александровна – канд. психол. наук, доцент кафедры «Психология труда и организационная психология» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: n_a_milcharek@mail.ru.

Article info

Received

June 18, 2017

Accepted

February 1, 2018

About authors

Milcharek Tadeush Petrovic – Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Head of the Chair «Psychology of Labor and Organization Psychology», Omsk State Technical University (Omsk, Russia). E-mail: milcharek@mail.ru.

Milcharek Natalia Alexandrovna – Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor of the Chair «Psychology of Labor and Organization Psychology», Omsk State Technical University (Omsk, Russia). E-mail: n_a_milcharek@mail.ru.

Для цитирования

Мильчарек Т. П., Мильчарек Н. А. Комплекс воина в модели психологической диагностики экстремизма // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2018. № 1. С. 20–27. DOI 10.25513/2410-6364.2018.1.20–27.

For citations

Milcharek T. P., Milcharek N. A. The Warrior Complex in the Model of Psychological Diagnostics of Extremism. *Herald of Omsk University. Series «Psychology»*, 2018, no. 1, pp. 20–27. DOI 10.25513/2410-6364.2018.1.20–27. (In Russian).